

Л. Д. Синькова

УДК 821.161.3

Кафедра истории белорусской литературы, филологический факультет, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

ПАФОС ТВОРЧЕСТВА ПИСАТЕЛЕЙ «БЕЛАВЕЖЫ»

В статье даётся общая характеристика развитию белорусской литературы в Польше во второй половине XX века. Рассматривается патриотический пафос в творчестве участников литературного объединения «Белавежа» (создано в 1958 г.). Анализируются основные идеи и художественные формы в творчестве представителей Белостокского региона современной Польши. Проводится сравнение между явлениями литературного процесса в Беларуси и Польше – на пограничье культур.

Ключевые слова: белорусская литература, Польша, Белосток, этнос, глобализм, «Белавежа», национально-культурное пограничье, патриотизм.

Образец цитирования: Синькова Л. Д. Пафос творчества писателей «Белавежы» / Л. Д. Синькова // София: электрон. науч.-просветит. журн. 2022. № 1. С. 46–53.

L. Sinkova

Department of History of Belarusian Literature, Faculty of Philology, Belarusian State University, Minsk, Republik of Belarus

PATHOS OF THE WRITERS OF “BELAVEZHA”

The article gives a general description of the development of Belarusian literature in Poland in the in the second half of the twentieth century. Patriotic pathos in the work of the members of the literary association “Belavezha” (established in 1958) is considered. The main ideas and artistic forms in the works of representatives of the Bialystok region of modern Poland are analyzed. A comparison is made between the phenomena of the literary process in Belarus and Poland – on the borderland of cultures.

Keywords: Belarusian literature, Poland, Bialystok, ethnicity, globalism, Belavezha, national-cultural borderland, patriotism.

For citation: Sinkova, L. Pathos of the writers of “Belavezha”. Sophia. 2022;1:46–53. Russian.

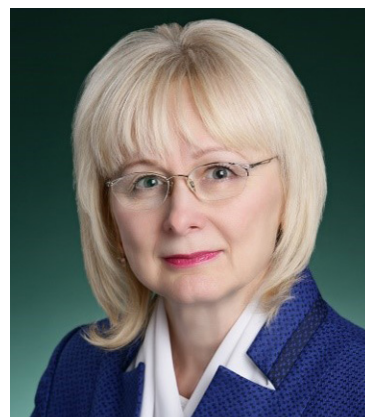
Автор:

Людмила Дмитриевна Синькова – доктор филологических наук, профессор кафедры истории белорусской литературы БГУ.

ldsinkova06@mail.ru

Author:

Lyudmila Sinkova – doctor of philological sciences, professor of the department of history of Belarusian literature, BSU.

Ситуация белорусско-польского пограничья на Белосточчине действительно неординарная. Предки современных белорусов чувствовали себя хозяевами здесь, в регионе возле Беловежской пуши, еще с родоплеменных времен, и особенно – эпох Великого Княжества Литовского и I Речи Посполитой, о чем специально писали не только историки, но и филологи [9, с. 31–40]. Однако не единожды белорусы, оставаясь в своих владениях, были вынуждены изменять свое гражданство и государственную принадлежность. Не единожды завоеватели приходили на эти земли – и всегда с жесткими императивами. Тем не менее, даже после двух мировых войн, превращавших людей в изгоев, беженцев, белорусы не отрекались от своих нив и своей пуши, всегда и непременно возвращались сюда. Шли в родные места из далеких краев, из армейских рядов, из лагерей и ссылок. В XIX–XX вв. оказывались в государствах с властью либо прусской, российской, польской, либо белорусской и советской белорусской, либо немецкой. С 1945 г. – польской просоветской, а с 1989 г., после распада СССР, – польской. На сегодня (с 2004 г.), будучи частью Польской Республики, Белосточчина является также и частью Европейского Союза.

Как в таких условиях развивалась белорусская литература на Белосточчине?

Прежде всего, она отражала бытие. Она была прибежищем и отдыхом для души белоруса, правдивым зеркалом радостей и печалей неистребимой жизни, которая оставалась здесь самой собою во все времена. Все темы, которые интересуют человека рефлексирующего – с юных лет и до седин, присутствуют в творчестве беловежцев. При этом, казалось бы, из-за упомянутой локализации на сквознях большой истории ментальность белорусская могла бы и выветриться, мог бы и рассеяться специфический национально-культурный взгляд на мир, характерный для белостоцкого белоруса. Действительно, не сменилась ли категорически белорусская самоидентификация нашего жителя современной Польши новым мироощущением: «неопределенно-пограничным», «транзитным», о котором особенно активно писали постсоветские приверженцы теории постколониализма, пытаясь адаптировать эту теорию к реалиям СССР после его распада? Ведь бесспорно, что в мире происходит все более глубокое «размывание идентичности» человека. Развивая подобные тезисы, глобалисты ставят акцент на том, что разрушается прежде всего национальная идентичность. Далее утверждается, что интеллеktуал на пограничье живет в целом мире, а не в конкретной культуре или стране [10, с. 10], и основным сюжетом, даже метасюжетом современности все отчетливее становится нарратив встречи с другим, чуждость и ее снятие (или не-снятие) [10, с. 91].

Между тем ни одна теория (*Теория, мой друг, суха, / но зеленеет древо жизни* – Гете, «Фауст», пер. Б. Пастернака) не равна разнообразной жизни. Обобщая факты, любая теория неизбежно упрощает универсум; она выделяет лишь одну ипостась многогранной истины, помогая нам постигать прежде всего закономерное. Повторимся: теория никогда стопроцентно не совпадает с конкретной реальностью. И тем более – в такой сфере, как духовность, духовное. Стоит только согласно теории представить себя вне национального, наднациональным, чуть ли не гомункулусом из пробирки, как почувствуешь, что тем самым ты оскорбляешь родословную своих родителей, исключительно конкретных предков своих. А когда попытаешься почувствовать себя тотально неопределенным, «транзитным», промежуточно-пограничным, моментально попадешь в капкан, как минимум, невротении и хронического когнитивного диссонанса,

потому что роль своего среди чужих, чужого среди своих, состояние неспособности сделать выбор в сторону определенности – эта роль и это самочувствование губительны для психики. «Человеком мира» хорошо ощущать себя только тогда, когда внутри себя также имеешь свой мир, свою определенную духовную опору.

Вообще же попытки совсем обесценить, объявить архаикой этническую составляющую и ее роль в жизни современного глобализованного общества (они особенно резко проявились на переходе из XX в XXI век) уже успели выявить свою безусловную узость. Этнические проблемы в современном мире не только не размылись, не исчезли, но обострились чрезвычайно. Апофеоз промежуточности, маргинальности, в том числе национальной, в реальной жизни продемонстрировал возможности быстрого перехода к деструктивности и провокационности. И напротив, уважение к национальным культурным традициям всегда будет предостерегать людей, целые народы, нации как от энтропии, так и от излишней агрессивности.

Литературовед Владимир Гниломедов, автор большой статьи «Літаратурнае жыццё на Беластоцчыне» в академической «Гісторыі беларускай літаратуры XX стагоддзя» в 4 томах, 6 книгах, изданной в Минске в 2003 г., смело утверждает: Польша – страна двух литератур: польской и белорусской. Другие нации в Польше не достигли такой значимости, очевидности для Европы, как польские белорусы [3, с. 721]. И современное социологическое литературоведение по Пьеру Бурдые, если бы оно взялось за изучение этого вопроса, имело бы возможность подтвердить вывод академика Гниломедова – на основании статистики по позиционированию беловежцев в польском литературном поле.

Так, к более чем полувековым (55-летнему и 60-летнему) юбилеям «Белавежи» профессор Галина Тваранович опубликовала материалы с очень обстоятельными оценками созданного в белостоцком регионе [7], в том числе – с характеристикой достижений белорусов в цифрах; а в журнале «Тэрмапілы» за 2017 г. опубликован внушительный библиографический список от участников «Белавежи» из 265 позиций [8]. Причем в этом списке названы только значительные по объему разножанровые книги и сборники, а также солидные журналы, которые наиболее заметно курировал (судя по библиографическим описаниям), действующий председатель объединения «Белавежа», профессор Ян Чиквин. И здесь еще не учтена текущая публикационная активность! Она, активность, чрезвычайно важна, потому что литература – это не только авторы и издания, но и разветвленная коммуникация. Литература, и особенно белорусская, для нормального развития остро нуждается в живом общекультурном процессе – со своими целями и стратегиями. И такая среда с центром в белостоцком регионе создана. Впечатляет оформленность и статусность различных белорусских культурных институций, достойное самоутверждение белорусов в Польше. Как мог бы сказать П. Бурдые, очевиден солидный символический капитал: духовный, нетленный... Конечно, за этим стоит большой, напряженный и вдохновенный, творческий и организационный, индивидуальный и совместный труд – уже, как минимум, трёх поколений беловежцев: естественно, что литературно-художественное объединение «Белавежа» формировалось наряду с сообществами Белорусского общественно-культурного товарищества в Польше (БГКТ – Беларускае грамадска-культурнае таварыства) и печатного еженедельника «Ніва», издававшегося в Белостоке.

Трудностей на пути беловежцев было немало. После Второй мировой войны стечение исторических событий практически отбросило духовную жизнь белорусов

белостокского региона назад: с середины XX в. в его начало. Развитие литературы пришлось начинать едва ли не *ab ovo*: после Горецкого, Алехновича, Тарашкевича, Абдираловича, Гениуш, Арсеньевой, Жилки, Танка, Брыля – начинать в 1940-е годы снова с талантливых самородков. Обращают на себя внимание такие имена из альманаха «Белавежа» № 1 за 1965 г. (выделены Галиной Тваранович), как Антошь из Лепеля, Владислав Двораковский, Владимир Павлючук, Сымон Романчук, Винцук Склубовский, Янка Телушецкий и др. Как будто бы беловежцам уготовано было вновь вернуться на круги своя – к реальности «кресов», «тутэйшасці», креолизации национального самосознания у местного жителя; вернуться к тем проблемам, которые (в первой трети прошлого века) уже были глубоко отрефлексированы нашими классиками, в том числе лидерами Западной Белоруссии.

Однако же со времен Франциска Скорины белорусская литература не единожды оказывалась в силках похожих исторических обстоятельств и каждый раз всенепременно возрождалась и продолжала свое развитие. Аналогичным образом развивалась и культура белорусов в послевоенной Польше. Здесь, за официальными границами БССР, в 1956 г. появилась, например, уже упомянутая белостокская газета «Ніва» во главе с Георгием Волковыцким. Аналогия – прежде всего с опытом и пафосом знаменитой виленской газеты «Наша ніва» (1906–1915 гг.) – возникает неизбежно. Заметны также связи беловежской литературы с пафосом советских лириков тех же 1960-х гг.

И все же традиционная белорусская стилистика – с любовью к родине (и привязанностью к определенным локусам), максимально искренняя, предметная, а еще – связанная с народной смеховой культурой, – такая стилистика в текстах «Нівы» доминировала. Именно в таком ключе начинали свой путь в литературу почти все беловежцы: от самых старших до резкого Сократа Яновича и проницательной Миры Лукши, а также начинающих авторов самого молодого поколения.

Подчеркнем также, что начинать белостокской «Ніве» довелось отнюдь не во времена пассионарного подъема народов на окраинах Российской империи, которая стремительно распадалась (как это было со всебелорусской «Нашей нівой»), а в годы послевоенной хрущевской внешней политики. Каким образом дух того времени влиял на белорусское движение в Польше, остроумно рассказано в автобиографических книгах Г. Волковыцкого: «Віры. Нататкі рэдактара» («Омуты. Заметки редактора», 1991) и «Белая вязь» (1998).

Вернемся к мысли о том, что функционально белостокская «Ніва» выполнила ту же роль, что и ее предшественница: она объединила и сплотила литературные силы. Важно также подчеркнуть, что белостокская газета оказалась не архаичной, а современной, более смелой, чем печать БССР, в отображении, например, частной жизни личности, вплоть до вопросов интимного характера. Белостокская «Ніва» стала одним из самых успешных изданий в Польше, была популярной в Советской Белоруссии – на нее можно было подписаться, и отечественные литераторы были среди ее активных подписчиков; эта газета с интересом читается и сегодня. Назовем здесь имена ее активных создателей: это Г. Волковыцкий, Я. Жамойтин, В. Швед, С. Янович, В. Гайдук, М. Лукша и др.

Академическая «История белорусской литературы» в лице Владимира Гниломедова дает следующую оценку творческому багажу беловежцев: «Можно говорить о существовании двух белорусских литератур в одной: отечественной белорусской и польской белорусской» [3, с. 721]. Если так, то какая же она сегодня, «польская белорусская»?

Последнее наименование-определение, парадоксальное с точки зрения формальной логики, беру в кавычки как окказионализм: он будет понятен для того, кто смотрит на разные белорусские анклавы-регионы из метрополии... Следует также упомянуть здесь о том, что на исходе XX в. не только литературу Польши с белорусскими маркерами разных уровней, но и такую литературу всего белорусского зарубежья – близкого и далекого, причем как в пространстве, так и во времени, – активно пропагандировал известный «западник», уроженец Слонима, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси Олег Лойко [5].

Несомненно, белорусское слово, рожденное в государстве Польском, – открыто и внимательно к наследию всего культурного универсума. Но прежде всего, конечно, литература «Белавежи» произрастает из той традиции, которую представляют Янка Купала (*Ад прадзедаў спакон вякоў мне засталася спадчына...*) и Якуб Колас (*Вобразы міля роднага краю, смутак і радасць мая...*). В унисон с неизбежным ростом польских и западноевропейских влияний наиболее востребованными из белорусских культурных ценностей для беловежцев оказались художественные озарения Максима Богдановича – в освоении инокультурного опыта; лиризм Янки Брыля; эстетическая широта Максима Танка, чей верлибр не был укрощен даже социалистическим реализмом; смелая апелляция к истории Владимира Короткевича; авангардизм Алеся Рязанова. (Влияния польской литературы – это, безусловно, специальная тема, требующая отдельного исследования.) Можно сказать, что оптимальным ориентиром в эстетике для современных беловежцев стала известная аксиома: идти вперед – это значит расти на собственной почве, воспринимая все лучшее из того, что достигаемо извне. Не случайно, создавая отличные портреты многих выдающихся соотечественников, Ян Чиквин и Ян Барщевский (поэт Алесь Барский) с особым вниманием писали статьи о стиле и путях Купалы и Богдановича, Н. Арсеньевой и Я. Юхновца, М. Седнева и Л. Гениюш, П. Панченко и Максима Танка, А. Рязанова и Л. Дранько-Майсюка (Я. Чиквин [11; 12]), В. Жилки, Я. Германовича и В. Седуры-Глыбинного (А. Барщевский [1; 2]). В текстах же самих беловежцев профессор и поэт Ян Чиквин также подчеркивал собственно-белорусские отличительные черты (это была статья о поэзии Владимира Гайдука), выделил национальные «первоэлементы», определенные «интеллектуально-моральные коды», благодаря которым можно узнать произведение белоруса. Белорусское в литературе Польши, пишет профессор Чиквин, – это снисходительность к людям и симпатия в отношениях с ними, склонность к юмору, согласие с внешним миром, которое часто трансформируется в пассивное созерцание, затем заземленность, почти языческий культ природы, символом которой у славянских народов всегда была и есть женщина. Ей поются гимны и через нее – всей земле-природе («Ніва», 1977, 10 ліп.). И еще, уже на взгляд академика Гниломедова, белорусское там, где поэзией становятся наивность и бескорыстность [3, с. 723]. Безусловно, все это так. В белорусском менталитете, очень часто травмированном, не появилось, однако, злобливости и агрессивного неприятия всего небелорусского. Наоборот, развилась обостренная потребность в мире и спокойствии, гармонии со Вселенной, а также готовность понимать живое и сопереживать ему.

Но – в то же время белорусское и там, где, как писал Владимир Жилка, *блішча змагарскі пагляд* (сверкает взгляд борца, бойца). Белорусскость – это еще и всегда осознанный, именно мужественный выбор. Свидетельствовать об этом могли бы и белорусы Польши: не только старшие писатели Белосточкины – Янка Жамойтин,

Виктор Швед, Георгий Волковыцкий, но и такие их последователи на родной земле, как Алена Анишевская, Зося Сачко... Белорусская защита собственных идеалов всегда проявлялась как в литературе, так и в самой жизни. Она очевидна, например, в том, что представительные современные беловежцы не разуверились в себе. Свои художественные таланты по-белорусски ярко раскрыли Алесь Барский, Дмитрий Шатылович и Владимир Гайдук; Ян Чиквин, Янка Анисэрович (Яша Бурш) и Надея Артымович; Микола Гайдук, Василь Петручук и Сократ Янович; Юрка Гениюш, Михась Шахович и Юрий Баена; Мира Лукша, Женья Мартынюк и Виктор Стахвюк; Михась Андрасюк, Володя Савчук и Юрка Буйнюк; Юстына Королька, Лидия Малиновская, Катерина Сенкевич... Не берясь характеризовать все краски в палитрах творческих индивидуальностей беловежцев (о них немало написали Я. Чиквин, Я. Барщевский, В. Гниломедов, В. Конон, А. Макмиллин, Г. Тваранович, Г. Тычко, А. Макаревич, А. Петрушкевич, А. Бредихина, Т. Тарасова, А. Мельникова, Л. Олейник и др.), вернемся еще раз к одной, самой традиционной из них: именно художественная непосредственность специфического толка очень высоко оценивается исследователями из Республики Беларусь. Мы знаем, что о такой эстетике писал в свое время Максим Богданович, имея в виду хрестоматийные стихотворения раннего Якуба Коласа: живая вода глубокого искреннего чувства одушевляет предметно-описательные, на первый взгляд, картины, и превращает простое в высокое.

Коллеги-литературоведы выделяли подобные черты, например, в стихах Виктора Шведа, называя его поэтом с национальной миссией (вслед за Г. Волковыцким в «Ніве», 1990, № 25), потому что в поэтической речи Виктора Шведа все время возобновлялись именно феномены белорусского гармоничного мироощущения, традиционно-белорусской ментальности. Это нравится, отзывается в восприятии многих любителей словесного искусства. Видимо, такая одушевленная простота входит в особый резонанс со вкусами ряда читателей. Ее же, но более (или менее) модернизированную, находим также в стихах Владимира Гайдуга, Жени Мартынюк... Не будем забывать, что литература – еще и дело вкуса, который воспитывается как определенным временем и перипетиями истории, так и актуальной культурной средой.

Цензура социалистических времен по обе стороны белорусско-польской границы во второй половине XX в., безусловно, порождала гипертрофию определенных тем и определенной эстетики, склоняя к стилевому консерватизму. Но ничто не может взнудать творческую мысль художника. Белорусская литература непрестанно самоутверждалась, чутко реагируя на те новые возможности для внецензурного высказывания (и фактографического, и эстетического), которые перед нею открывались. И даже если заметить обозначенный консерватизм в максимальном внимании к «миролюбивой» традиции, то это вовсе не будет перечить вниманию и любви к авангарду либо поставангарду в белорусской литературе: с именами, например, Алеся Рязанова и Надежды Артымович. Белорусская традиция не перечит никакой любви. Но она сохраняет – консервативно! – человечность и пафос человека верующего. Об этом – поэзия А. Барского, Я. Чиквина, Н. Артымович, Г. Тваранович... Даже интертекстуальность, более пригодная для скепсиса, едва ли не у всех беловежцев чаще всего соединяется со стремлением к красоте и добру.

Каждый творец из «Белавежи» транслирует свой мир. Но их всех объединил на лирической волне философ Владимир Конон, который писал: Между европейским и славянским массивами затерялся в многоязычном море зеленый белорусский остров, точно

названный «Белавежей» [4, с. 4]. Здесь, считал исследователь нашей литературы и мифологии, сохранились те корни традиционной культуры, которые в европейском регионе перешли в фазу цивилизации [4, с. 3]. Но сильнейшая ностальгия по первородности, естественности осталась, и ее утоляет «зеленый остров»... На исходе XX века вместе с утверждением слова собственно-художественного начался настоящий бум исповедальной, автобиографической, документально-художественной литературы, как в Польше, так и в Беларуси. Особенно заметным он стал после прецедента присуждения Нобелевской премии Светлане Алексиевич за впечатляющее документально-художественное творчество. Автобиографическое письмо «из первых уст», между прочим, также свидетельствовало о неразрывной связи «зеленого острова» с «материком», о целостности белорусского бытия, нашей истории, хранимой в индивидуальной памяти ее активных участников и свидетелей. Весомое слово здесь было сказано беловежцами из поколения, рожденного в начале 1920-х гг. Это воспоминания Янки Жамойтина «З перажытага» («Из пережитого», 1996), Георгия Волковыцкого «У каменным крузе» («В каменном кругу», 2020), Алены Анишевской «Пакаленне вайны» («Поколение войны», 2003). Был издан и белостокский сборник мемуаров «Лёс аднаго пакалення» («Судьба одного поколения», 1996) с текстами К. Сидоровича, Ю. Прокоповича, Я. Жамойтина, В. Ярмалковича, под редакцией Е. Мироновича. Начинаясь же общеполитическая мемуаристика еще с давних произведений Ф. Алехновича («У капцюрох ГПУ»), Я. Германовича (Винцука Адважнага, «Кітай – Сібір – Масква»), Л. Гениуш («Сповідзь»)... Наконец, связывая разорванные родословные, в Минске появилась новая серия книг с рассказами о судьбах белорусов на пограничье восточных и западных земель. Это «Беларуская мемуарная бібліятэка», представленная публике в 2011 г. О том, что белорусы все же, как писала Наталья Арсеньева, не растаяли, не разошлись туманом среди чужих (*не растаялі, не расплыліся імглою між чужых*), свидетельствуют такие издания этой серии, как «Успаміны пасла» («Воспоминания посла») Александра Стагановича, «Пакуль рука пяро трымае» («Пока рука держит перо») Зоськи Верас, «Мае ўспаміны» («Мои воспоминания») Марии Стаганович, «Партрэт стагоддзя» («Портрет столетия») Евгена Тихановича и др. (среди координаторов серии – известный историк литературы Наталья Гордиенко и др.) [6, с. 33].

Очевидно, подвижные государственные границы оказались не властными упразднить белорусский этнос. В современном информационном пространстве активно реализуется возможность с патриотическим пафосом, с любовью к родной земле поделиться пережитым, сравнить жизненный опыт белорусов из разных ее регионов, увидеть и свою, и мировую историю «белорусскими глазами», воплотить постигнутое в красках художественного слова. Именно в общем, целостном контексте выявляется онтологический пафос «Белавежи». Это, во-первых, достойная самореализация в творчестве, устремленном в широкое межкультурное пространство; и, во-вторых, осмысление «беловежского» вклада в созидательную деятельность своей нации, всех белорусов мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Барскі, А. Выбраныя творы / А. Барскі. – Мінск: Кнігазбор, 2011. – 416 с. (Серыя «Беларускі кнігазбор»)
2. Баршчэўскі, А. Лёсы беларусізацыі ў асьвятленні эміграцыйнага дасьледчыка Ўладзімера Глыбіннага / А. Баршчэўскі // Acta Albarutenica. – 2011. – Т. 11. – С. 8–15.

3. *Гніламедаў, У.* Літаратурнае жыццё на Беласточчыне / У. Гніламедаў // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя: У 4 т. / Ін-т мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы НАН Беларусі. – Т. 4. Кн. 2. – Мінск: Беларус. навука, 2003. – С. 701–741.
4. *Конан, У.* Белая вежа літаратуры / У. Конан // Беларускія пісьменнікі Польшчы. Другая палова XX ст. / Уклад. Я. Чыквіна. – Мінск: Беларускі кнігазбор, 2000. – С. 3–10.
5. *Лойка, А.* Роўнакутны трохвугольнік, або Ад Палямона да Максіма Танка: дапамож. па спец-курсе «Беларуска-руска-польскія літаратурныя сувязі» / А. Лойка; Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Філалагічны факультэт. – Мінск: [б. в.], 2003. – 214 с.
6. *Sińkowa, L.* Пафас творчасці «белавежцаў» у сітуацыі беларуска-польскага памежжа / L. Sińkowa // Białorutenistyka Białostocka. – 2018. – Т. 10. – С. 25–35.
7. *Тварановіч, Г.* «Белавежы» – 60 гадоў! / Г. Тварановіч // Тэрмапілы. – 2018. – № 22. – С. 328–338.
8. *Тварановіч, Г.* Беларускае літаратурнае аб'яднанне «Белавежа»: Бібліяграфія (1958–2016) / Г. Тварановіч // Тэрмапілы. – 2017. – № 21. – С. 275–295.
9. *Тварановіч, Г.* Беларускае літаратурнае аб'яднанне «Белавежа» ў Польшчы: дынаміка развіцця / Г. Тварановіч // Studia Wshodniosłowiańskie. – 2002. – Т. 2. – С. 31–40.
10. *Глостанова, М.* Постсоветская литература и эстетика транскультурации. Жить никогда, писать ниоткуда / М. Глостанова. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 416 с.
11. *Чыквін, Я.* Далёкія і блізкія. Беларускія пісьменнікі замежжа / Я. Чыквін. – Бялэсток: Offset-Print, 1997. – 201 с.
12. *Чыквін, Я.* Па прызванні і абавязку: літаратурна-крытычныя артыкулы / Я. Чыквін. – Бялэсток: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2005. – 236 с.